

1989 — ГОД М. П. МУСОРГСКОГО

Жемчужина вокала

Сов. культура 1989, 12/266

Особое место в художественном наследии М. П. Мусоргского занимает песенно-романсовое творчество. По общему признанию исследователей и исполнителей, вершинным достижением Мусоргского в этой области стал цикл «Песни и пляски смерти». Великолепным интерпретатором его, «двойником Шаляпина» в американской прессе называли народную артистку СССР Ирину Архипову. Буквально в канун Нового года советская певица вернулась из Югославии, где она выступала именно с этим циклом.

О своем отношении к камерному творчеству М. Мусоргского рассказывает Ирина Константиновна:

— Я исполняла цикл почти во всех крупных городах США, в Японии, Англии, Австрии... Во Франции завоевала «Гран-при» и «Золотого Орфея» — первую такую награду за исполнение камерной программы советскому певцу.

Мусоргский — мой самый любимый композитор. С образами Марфы в «Хованщине» и Марины Мнишек в «Борисе Годунове» — эти спектакли мне тоже принесли «Золотых Орфеев» во Франции — связано все мое творчество.

Да и «Песни и пляски смерти» — они со мной со студенческой скамьи, когда я еще не была профессионалом. Первый мой педагог в самодеятельности Надежда Матвеевна Малышева открыла мне эту жемчужину вокальной литературы, ее красоту, смысл, философскую глубину. С тех пор я не расстанусь с этим циклом. В Югославии я спела его в сопровождении Загребского симфонического оркестра, главный дирижер которого молодой советский музыкант Павел Коган — музыкант талантливый, тонкий, импульсивный, чутко ощущающий партнера и

«отвечающий» ему. В этом сочинении, очень сложном по замыслу, по образному содержанию, выстроенному на контрастах, где смех неожиданно оборачивается драмой, где трагедийные и гротесковые образы тесно переплетены, партнерство солиста и аккомпаниатора необходимо.

Каждая из четырех частей — это яркая законченная музыкально-драматическая картина, но все они как бы разные стороны, разные грани одной темы. Именно об этом и «Колыбельная», и «Серенада», и «Трепак», и «Полководец».

Надо сказать, очень по-разному трактуют «Песни и пляски смерти» исполнители (из моих коллег-певиц никто не поет их). Я слышала одного певца из ГДР, который трактует Смерть как образ «железного канцлера», победителя и разрушителя всего. Пугающий образ. По-моему, в сути своей это неверно: меньше всего Мусоргский пугал своей музыкой — здесь скрыто серьезнейшее философское размышление о жизни.

Не могу не сказать — и с искренним сожалением, что в своей стране, на родине автора этого несравненного художественного творения, мне довелось исполнять цикл значительно реже, чем в разных странах мира. Часто слышишь, что чрезмерно мрачна эта музыка, что слишком тягостный след оставляет она в сердцах людей. Для меня такой довод абсолютно неубедителен, и в предстоящих сольных концертах, посвящаемых 150-летию Модеста Петровича Мусоргского, я буду петь этот цикл, потому что по гениальности музыки, по ее художественной ценности, на мой взгляд, нет равного ему в мире.

Записала
М. ИГНАТЬЕВА.